

ОН СТРОИЛ ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

СК Новости. — 2002 г. 1 марта — с. 16.

Студия «217» под руководством кинооператора Михаила Аграновича видит одну из своих главных задач в создании фильмов-портретов о классиках отечественного кино. Для нового поколения имена многих из них практически неизвестны, и фильмы о них должны отчасти восполнить этот пробел. Основатели студии Михаил Агранович, Армен Медведев, Владимир Репников нашли понимание и финансовую поддержку в Министерстве информатики. Уже сняты фильмы «Лев Кулиджанов» (реж. Андрей Эшпай), «Михаил Швейцер» (реж. Алла Агранович), «Тенгиз Абуладзе» (реж. Нана Джанелидзе). Идет работа над картинами о Григории Чухрае, Станиславе Ростоцком, композиторе Исааке Шварце. В дальнейшем на студии «217» предполагается создание художественных лент и сериалов.

Эльга Линдина: Так получилось, что мы посмотрели фильм Андрея Эшпая о Кулиджанове, когда Лев Александрович был еще жив, но не знали тогда, что оставалось ему жить всего несколько дней. Я восприняла фильм в двух ракурсах: трагическое и светлое органически переплелись в этой картине. Эшпай точно уловил и передал настроение последних месяцев жизни Кулиджанова: удивительное мудрое спокойствие в ожидании коды. Мудрость, несуетность всегда были присущи Льву Александровичу, а тем более — на излете пути, когда человек смотрит на окружающий мир, принимая его таким, каков он есть, во всех его гранях, изломах и радостях. Лев Александрович трезво оценивал сделанное им, в чем-то испытывал удовлетворение, в чем-то себя критиковал. Вспомнил с угасшей горечью боль незащищенной обиды. Прощался... В итоге на экране сложился портрет, исполненный драматизма и того высокого смирения, о котором все говорят, но мало кто к нему приходит...

Дмитрий Салынский: Суть замысла ленты, а может быть, даже и все то, во имя чего создана студия «217», символически выражает кадр, когда Лев Кулиджанов вкатывается в кресле на колесах в павильон студии имени Горького, где проработал всю жизнь. Камера отъезжает, и мы видим колоссальное пустое пространство, высокое и широкое, а посредине — человек в кресле. Легко вообразить отзвуки голосов и всяческих производственных звуков, которыми обычно наполнен павильон в перерыве между съемками, но тут — абсолютная тишина, как между командами «Мотор!» и «Камера!». Пауза, когда все замирает. Человек молчит. Вспоминает. Или просто переживает момент тишины... Это очень интенсивная метафора самого кино, когда тебя зовут к размышлению, углублению в себя. Красивый, мудрый фрагмент фильма, прекрасно найденный Андреем Эшпаем и так много выразивший.

Э.Л.: У меня к этому фильму очень личное отношение. Я увидела на экране дом Кулиджановых, комнату, стол, за которым я много раз занималась с моим мастером Натальей Анатольевной Фоки-

ной, женой Льва Александровича. Я признательна многим вгиковским педагогам, но Наталья Анатольевна навсегда занимает особое место. Я думаю о ней с нежной благодарностью за все, что она мне дала, причем отдавала с той же спокойной мудростью, которая была существом их дома. Для учеников Натальи Анатольевны ее имя — как пароль, оно нас связывает, рождает дружественные отношения. Наталья Анатольевна — душа Дома, семьи, которой она посвятила себя, как и своим ученикам. Прекрасный киносценарист, она писала сценарии к последним картинам Кулиджанова, о чем многие не знают. Андрей Эшпай уловил, что дом Кулиджановых учит достоинству, умению не ополчаться на мир, не терять себя.

Д.С.: В картине Эшпай возникает образ человека, который умел не только проникать в суть страстей, скажем, у Достоевского, в экранизации «Преступления и наказания», но и понимать: страсть — страсть, но надо еще и посмотреть, что же дальше-то будет? Образ человека, умевшего видеть далеко вперед. Такие люди, став руководителями, помогают сохранить ранее обретенное. Ведь само по себе все только разрушается, таков уж закон энтропии. А чтобы сохранять и строить, нужны усилия, надо затрачивать энергию. Лев Александрович отдал много энергии сохранению нашего Союза.

Э.Л.: И делал он это тихо, незаметно.

Д.С.: В 20-е годы Лев Кулешов сказал известные слова о том, что кто-то делал фильмы, а он со своими друзьями и сотрудниками делал кинематографию. То же самое можно сказать и о многих мастерах поколения Кулиджанова. Они тоже строили кинематографию. Как сейчас выясняется, ее надо строить непрерывно, иначе она быстро начинает разрушаться.

Э.Л.: В фильме прозвучал еще один мотив (кстати, об этом говорили многие в день прощания с Львом Александровичем) — мотив отцовства. Отцовства по отношению к тем, с кем он работал на съемочной площадке, по отношению к нашему Союзу в целом. Конечно, этот фильм — признание в любви ученика Учителю, в чем я очень понимаю Эшпая. Личная нота вносит особый оттенок. Можно вспомнить, что Кулиджанов помогал Тарковскому, Параджанову, Гайдаю, Шепитко и многим другим.

В 1966 году Кулиджанова единогласно выбрали Председателем Союза кинематографистов СССР. А через 20 лет, в 1986-м — так же единогласно отвергли. Как раз перед V Съездом кинематографистов в ныне погибшем издательстве «Искусство» был почти готов сборник «Лев Кулиджанов», и по решению тогдашнего руководства издательства сборник рассыпали после того, как Кулиджанов перестал быть главой Союза. Может быть, материалы сохранились. Имеет смысл заново собрать их, дополнить статьями о последних картинах режиссера и дать ему появиться на свет. Неужели наш Союз не поддерживает издание такой книги?

Возвращаясь к тому, что последовало после ухода Кулиджанова из Союза, как не сказать, что обернулось это крахом, не только финансовым, но и творческим. Потерей зрителя. Того зрителя, о котором Кулиджанов в фильме говорит, что не заискивал перед ним.

Д.С.: Задача сохранения Союза сейчас, мне кажется, сводится к формуле: не дать людям перессориться.

Э.Л.: Это непросто. Амбиции входят в число слагаемых кинопрофессии.

Д.С.: Разумеется, у всех свои взгляды на то, как надо и не надо делать кино. Но есть и общая задача — сохранить дом и человеческие в нем отношения. Не дать людям разбежаться. Это как в семье...

Союз — это сумма отношений людей, в нем состоящих. Кулиджанов это понимал и не давал людям перессориться, осознавая, как художники сложны во взаимоотношениях друг с другом.

Э.Л.: Вот отчего картина Эшпая вышла за рамки только портрета. Она дает посыл к размышлениям о том, как сейчас жить кинематографистам. Я верю, что после показа по телевидению этот фильм заново откроет личность и творчество замечательного режиссера, особенно для тех, кто не знает прошлого нашего кино или воспринимает его как глубокую историю. И, может быть, пробудит в душах собратьев-кинематографистов мысль о том, что хорошо бы все-таки собирать камни... Облик Кулиджанова, то, как и о чем он говорит с экрана, поможет понять, как он создавал свою атмосферу в Союзе кинематографистов: отсутствие скандалов, разборок, попыток раскола единого цельного организма. Да, вернуть все это безумно сложно. Нынешняя жизнь вся состоит из взрывов, недовольства, отчуждения, рожденных обстоятельствами, нищетой художников, — но рожденных также и неумением остановиться и трезво взглянуть на себя со стороны: какими мы стали?

Д.С.: Хорошо, что родилась «Студия 217», положившая начало столь благородному делу, как фильмы-портреты о мастерах кино. Может быть, подключатся сюда и Министерство культуры, и канал «Культура», наиболее свободный от коммерции, — понимая, что такие картины, конечно, не рассчитаны на массовый рейтинговый успех, но это — наше наследие, которому мы должны быть верны.

**Эльга ЛИНДИНА,
Дмитрий САЛЫНСКИЙ**

Кулиджанов Лев
(примеч.)

1.03.02